

18+

АРТУР КУХТА

В гости через форточку

Артур Кухта

В гости через форточку

«Издательские решения»

Кухта А.

В гости через форточку / А. Кухта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858797-9

Двенадцать работ в жанре мрачного реализма с проблесками надежды. Несколько лет мы точили ножик русской души. И вот — бьем наконец в грудь читателя, в самое сердце его. Затем, чтоб сделать лучше.

ISBN 978-5-44-858797-9

© Кухта А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Конфетная фабрика (Чтоб как ты не быть)	8
Черточки	11
Выстрел	18
Орешек	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В гости через форточку

Артур Кухта

Иллюстратор Камила Садикова

© Артур Кухта, 2017

© Камила Садикова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-8797-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я хорошо помню жаркое лето Южной Каролины, влажный воздух, дом у океана, вечерние разговоры и мечты. Помню веранду, два пластиковых стула, пивные банки под ногами и вид на узкую улицу Кедр.

«Если бы люди превратились в птиц, – думал я тогда. – Нико стал бы павлином».

Два раза в неделю я слышал трескающий звон его мотороллера, видел блестящую макушку и розовые очки. Мой друг болгар одевается пестро: камуфляжные штаны, кислотная майка и шлёпки, которые только через месяц войдут в моду. Если спросить у него: «Кто ты?», он вам гордо ответит: «Я самый лучший». Сначала, кажется, индюк какой-то, но если спросить: «А я кто?», то он и вам ответит, что: «Вы тоже самый лучший».

Не пытайтесь понять. Я не смог.

На вечеринки Нико приходил хлопнушкой: громко, весело, с беспорядком после. На наши тихие посиделки – с банками пива и сладкой папиросой, набитой чем угодно, только не табаком. Столько было вечеров, что, кажется, возьми их, скомкай, перекинь через года – уже не соберешь. И всё же, был у нас вечер, который я запомнил слово в слово.

В тот вечер мы были писателями.

Теми самыми, которые не написав и строчки, говорят о миллионных тиражах. Нико рассказывал мне идею первой книги, а я слушал и мысленно поправлял (В писательстве ему я так и не признался). Но не буду говорить, о чём его книга. Для нашего предисловия важно, что у него была ещё одна мечта.

Он хотел остаться в Америке.

А когда смотришь на такой жар и огонь в глазах, тогда порой думаешь: «Да это и моя мечта!». Нико рассказывал про политические убежища, про религиозные школы, про фиктивные браки, про документы, про риск. «Риск небольшой! – уверял он. – Зато потом: лёгкая жизнь, деньги, признание...»

Самые обычные разговоры для студентов по обмену.

Нико удивлялся:

– А ты почему не хочешь остаться?

Почему не хочу? Я хочу. Но писать я хочу больше. Только о чём здесь писать? – спросил бы я его. – Что мне здесь делать, когда вся глина там! Тогда я ещё не умел складывать слова, строить сюжет, выписывать характеры, но твёрдо знал одно: русский дух бесконечен, и только там – дома – я смогу писать.

– Я хочу домой, – пришлось ответить. – Не могу без русских людей.

«Испугался» – прочитал я в мутных глазах Нико. Он затаился папиросой и сказал:

– Понимаю...

Мы просидели минуту в тишине, после чего я без злобы (уверяю, что без злобы) спросил:

– Да что ты понимаешь-то?

А то, оказалось, он понимает, что у русских людей есть традиции, история, язык, музыка, что у них...

– Тихо-тихо... – остановил я. – Ты другое понимаешь. Ты, Нико, совсем наших людей не знаешь.

– Знаю, знаю... – убеждал он. – У меня есть русские друзья. Я трижды бывал в Санкт-Петербурге. Я...

Нет смысла описывать наш долгий спор, когда он говорил: «Я был в Эрмитаже», а я отвечал: «И что?» Когда он говорил: «Я люблю русские блины», а я отвечал: «Тошнит от блинов». Нет смысла, повторяю, вспоминать те острые слова и грубости. Меня лишь возмущал его железный аргумент: «Раз я был в Петербурге, значит понимаю...»

Да эти приезды, эти Петербурги, казалось мне, только искажают русского человека. Обидно мне стало, что Нико понимает блины, снегурочек, водку, медведей, балалайку и прочее, прочее. Будь моя воля, я бы сжёг все балалайки в одном костре, ведь они мешают увидеть...

– Что увидеть? – злился Нико. – Чего я не понимаю? Покажи. Дай пример.

Что же ему показать-то? – краснел я в ответ. – Что он просит? Это же не камень какой-нибудь. Да если б можно было ткнуть пальцем и сказать – вот она, русская душа, тогда б это не душа была, а кожа. Но ведь показать-то надо! А потому я кивнул на соседний дом и сказал:

– Посмотри на окна. Там даже форточек нет.

Все окна, что мы встречали в Америке, состояли из двух рам и двигались либо вправо-влево, либо вверх-вниз.

– Форточек? – переспросил Нико.

И тогда я объяснил болгарскому другу на пальцах, что «форточка» – это небольшой квадратик в окне, который можно открывать и закрывать, который вроде бы ничего особенного, а всё равно: если птица сядет, то как будто в рамочке.

– Но это не то, – добавил я грустно. – Вот смотри, если ты приедешь в гости к друзьям...

– В Санкт-Петербург.

– Да-да, Нико, в Санкт-Петербург. Если ты приедешь в гости, то тебя встретят, оденут, накормят... Но ведь они ждут тебя, а значит, подметут перед порогом. Понимаешь?

Нико затянулся сигаретой.

– Давай лучше на звезды смотреть, – сказал он равнодушно.

Звезды.

Назло всем болгарам я опустил глаза в пол. Первый час я шевелил ботинком камешки, смотрел на жуков и тараканов; искал там что-нибудь весомее форточек. Что-нибудь: резко! наповал! чтоб русская душа – да вот она. Чтоб одним словом. Бах! Но ведь так нельзя?

«И что меня волнует? – думал я второй час. – Почему я злюсь на болгар за то, что он не русский?»

Мне казалось, что мыслями Нико уже где-то далеко, где-то у себя в Софии, а может и в Нью-Йорке, презентует свой бестселлер на Пятой авеню. Вид у него был мечтательный. Мне даже показалось, что он забыл, о чем мы говорили.

Однако перед уходом Николай сказал:

– Надеюсь, в следующей жизни стану птицей.

Я подумал, что это опять говорит его сладкая папироса, но всё равно спросил:

– Почему?

– Если перед порогом подметают, – сказал он задумчиво. – Остаётся одно: в гости через форточку.

Конфетная фабрика (Чтоб как ты не быть)

Обычно в такие минуты Вадим курил крепкие сигареты или выпивал баночку пива.

Сегодня не мог. Сегодня он сжимал в кармане пачку «Максима» и чтобы не волноваться, пинал куски снега во дворе школы. Почему внутрь не зашел? Стеснялся. Полчаса стеснялся, час. Говорил себе:

– Не холодно, – и шаркал носок, кутался сильнее в воротник.

В морозный день седьмого декабря, Вадим ждал своего племянника-четвероклашку.

Или Серёжа в третьем классе? Не вспомнить. Последний раз они собирались около года назад, на дне рождения бабушки. Тогда племянник покорила всех своими карточными фокусами – шумно было, весело. Чаше бы так, но не получается. Почему? Вадим не знал. То есть, знал, конечно. Понимал, что когда двоюродные братья и сестры взрослеют, то становятся чужими друг другу. В гости не зовут, поздравляют по телефону, а встречи – только если повод найдется.

Затрещал звонок.

А когда из дверей хлынул поток школьников – Вадим сглотнул.

– Серёжу предупредили? – спросил он вслух.

..и забегал глазами по цветным курткам, портфелям. От волнения даже сигарету вытащил – забыл, что обещал себе не курить – вытащил её, поднес к губам, и вдруг услышал знакомое:

– В-а-д-и-и-и-м!!!

Серёжа попрощался с одноклассниками и, размахивая физкультурным пакетом, подбежал к дяде.

Поздоровались за руку, как взрослые, а уже через минуту хрустели снегом в сторону дома. Молчали. Легче стало. Вадим думал: как заговорить? О чем? Про оценки спросить? Это бы хорошо. Но Серёжа опередил:

– А какие у вас дела с мамой?

Вадим объяснил, что им с сестрой нужно решить один важный вопрос по поводу завещания.

– Рассказать, что в школе было?

Вадим не успел ответить. Серёжа открыл рот и не закрывал его до самого дома вспомнил друзей, учителей. Всю дорогу смеялись. Сначала племянник, следом и дядя.

И вот оказался дом. Новый, элитный – с воротами и шлагбаумом. Непростой дом, Вадим в таких не бывал. Консьержка. Поздоровались. Прошли через мраморные лабиринты, поднялись на этаж, открыли дверь. Серёжа выпрыгнул из ботинок и начал ухаживать за гостем:

– Давай мне куртку, – по стенам разлетелось эхо.

...было где разлететься! Потолки под три метра, не гардероб – комната целая, а коридор широкий, хоть на велосипеде катайся.

Вадим приоткрыл рот от удивления. Но зависти не было. Ни капли. Это ведь сестра, а за неё как за себя приятно.

– Пойдем в мою комнату...

Вадим составил аккуратно ботинки, положил шапку на тумбочку, пригладил волосы. Оглядываясь как в музее, он осторожно прошёл за племянником. Большой телевизор, спортивный уголок, компьютер. Хорошо живут.

Племянник скинул портфель, усадил дядю в кресло. Вместе начали думать, что поделаться до прихода мамы. Серёжа предложил:

– Может уроки? – и достал учебники. – Там не много. Один пример.

Уроки дело хорошее, подумал Вадим.

– Олимпиадное задание, – объяснил Серёжа. – Я с ним ещё не разобрался.

И показал уравнение:

$$2x^2 + 3x - 5 = 0.$$

– Сможешь?

Вадим сглотнул.

– А-а... легко.

– Я пока чай поставлю, давай?

– Давай-давай.

(Серёжа убегает на кухню)

Вадим закусил губу и посмотрел на задание: «решить через дискриминант». Знакомое слово, встречалось где-то. Он прочитал правило. Ничего не понял.

(В коридоре слышится топот – Вадим закрывает пустой лист рукой. Через секунду из двери выглядывает Серёжина голова)

– А тебе какой чай? Черный, зеленый? Травяной есть.

– Ч-чёрный. Я его люблю.

– Понял.

(Дверь закрывается. Серёжа убегает на кухню)

Вадим переписал уравнение, взглянул на правило – сделалось не по себе. «Нет, — подумал. – Дома я разберусь, а сейчас...»

(Топот в коридоре – Вадим закрывает рукой одинокое уравнение)

– Вадь, я три ложки сахара насыпал. Ничего?

– Да-да... Я так и пью.

(Дверь закрывается. Серёжа убегает на кухню)

Захотелось курить. Вадим собрался с мыслями и прочитал правило на третий раз – теперь даже знакомые слова показались чужими. Паника. Покрутил учебник, полистал туда-сюда, к последней странице, а там:

«Ответы».

Обрадовался, нашёл пример. Но из коридора:

– Открой мне дверь.

Вадим дёрнулся, быстро переписал:

$$\langle x_1 = 1 \rangle, \langle x_2 = -2.5 \rangle$$

...и открыл племяннику.

Серёжа держал поднос с кружками и кучей конфет, он поставил его на край стола и сказал:

– Потом дорешаем, сначала чай.

Это Вадиму понравилось. Он закрыл тетрадь, отодвинул её в сторону, подальше.

Съели по конфете.

– Вкусные...

– Угу-м... – ответил Серёжа, развернул ещё одну и добавил: – А я когда вырасту... открою конфетную фабрику. Хочу свои конфеты придумывать.

Вадим задрожал от смеха, но племянник сказал серьёзнее:

– Я не шучу.

Дядя улыбался, не верил, поэтому Серёжа достал из портфеля дневник.

– Посмотри сам.

Вадим открыл случайную страницу.

Математика – «5», География – «5», Литература – «Молодец, 5!»

– Листай дальше, – попросил Серёжа.

Дядя листал, смотрел. Почерк аккуратный, четверки-пятерки, в каждой графе – домашнее задание. Приятно сделалось. Он улыбнулся и сказал:

– Ты молодец.

– Стараюсь... – протянул Серёжа и, убирая дневник, добавил: – ... чтоб как ты не быть. Вадим замер.

– Как я?.. – спросил шёпотом, не хотел, само вырвалось.

– Ну... чтобы в мусорке не рыться...

По спине холодок. Вадим увидел на брюках пятно, вспомнил про грязь под ногтями, сжал кулаки. Руки бы в карманы спрятать, но куртка далеко. Убрал их под стол.

– Серёжа... Я же не роюсь. Я машину вожу, с мусором. Это другое.

Серёжа посмотрел внимательно на дядю. Он не заметил разницы. Только улыбнулся и сказал:

– А-а. Ну понял.

Помолчали. И тут:

– В-а-а-д-я-я-я... – вспомнил племянник. – У мамы другие конфеты есть. Хочешь?

Дядя кивнул.

Серёжа убежал на кухню. «Где конфеты? – думал он. – Белые, кокосовые, что маме подарили». В холодильнике – нет, в корзинке – пусто. Прошёлся по всем шкафам. Нашёл. Серёжа открыл коробку, взял горсть конфет и побежал назад, но в коридоре замер.

Дядя торопливо обувался.

– Вадь?.. – протянул племянник. – А ты куда? А чай, а дела ваши...

Дядя улыбнулся.

– Мне друг позвонил. Просил помочь. Я потом зайду...

Серёжа заходил из стороны в сторону.

– Другу?.. – волновался он. – Тогда давай я и другу дам конфет?

– Давай.

– Ты пока эти возьми, – и сунул их в дядин карман.

На кухне Серёжа задумался. Если все конфеты отдать, то мама будет ругаться. Ей ведь подарили. Что делать? Серёжа махнул рукой, взял коробку и побежал в коридор с криками:

– Вадим, а ты Новый Год... – осёкся, спросил тише. – Вадь?..

Дверь качается от сквозняка, на тумбочке лежат конфеты.

Серёжа подошёл ближе, выглянул в подъезд. Услышал, как гудит лифт. Он постоял ещё немного, подумал, может дядя вернётся? Нет, совсем ушёл. Лифт закрылся на первом этаже... там и остался.

Черточки

Если верить статистике, после выхода на пенсию каждый третий гражданский пилот умирает от инфаркта.

Объяснить это легко. Представьте капитана (командира), который держит в руках три сотни жизней. Он сильный, он смелый, он самый главный, он супермэн без плаща и трико. Да он нам так интересен, что окажись мы на самолёте сразу спросим – где наш капитан? Какой он? В чём? Я представлю высокого мужчину с волевым подбородком, белоснежными зубами и крепкими бицепсами, но, даже если он будет не такой, мы всё равно заметим в нём черту (или хоть чёрточку), по которой ясно станет: капитан!

И бывает иногда, что на такого X капитана находится У вежливый пассажир. Я про тех говорю, которые во время посадки начинают хлопать, и хлопаньем своим заражают других. Я бы руки склеил этому пассажиру, потому что аплодисментами, мы, может быть, и подводим наших героев к могиле. Я уверен, не будь этих хлопаний, одного пилота мы бы точно спасли. Сейчас вы поймёте.

Кто-то сказал: «Пилот – это сердце и разум стальной птицы».

Согласен, но когда герой наш выходит на пенсию, когда вместо сложных маневров ему надо решать: гречка или макароны, туфли или кроссовки, первый канал или третий, тогда его птица становится птичкой и оказывается в маленькой прокуренной банке. Твёрдый голос уже не волнует людей, нет того восхищения, улыбочек, взглядов и прочего, прочего...

Чёрный пиджак свёрнут в пакет, убран в шкаф, но как будто не пиджак, а сам человек скручен, сверчен, и сунут туда же – всё напрягает, раздражает и бесит. Он вдруг понимает, что вечерняя тишина и спокойствие, слишком уж беспокойные, что чёрточку его хоть на лбу теперь рисуй – никто не заметит. Так и наступает день, когда по дороге из магазина наш герой поднимает голову и видит в небе белую полосу, а затем... Ба! – волнение, дрожь, страх, радость – Ба!... и пилот наш отправляется в дальний путь, но уже без самолета.

***

Раиса Семёновна после выхода на пенсию осталась жива. Это была очень вежливая и одновременно противная бабушка. Говорливая когда надо, а когда не надо – ещё говорливее. Требовательная, с характером, знающая себе цену и с другими пенсионерами не желающая иметь ничего общего. Важно добавить, что пилотом она никогда не была.

Она была стюардессой.

К сожалению, нигде не нашлось статистики сердечных приступов у стюардесс, но мы уверены, что ранимое женское сердце страдает ничуть не меньше мужского. К тому же, Раиса Семёновна была лучшей из лучших, была лицом компании и трижды становилась стюардессой года. Ей хотелось найти красивого, смелого, интересного, с хорошей фамилией, умного и верного капитана самолёта, поэтому замуж она так и не вышла.

Когда карьера в небе кончилась, жизнь переметнула её на стул секретаря. Но даже там Раиса Семеновна грезилась мечтами о женихе-пилоте. Поэтому скажем, что она не была никогда женщиной, а из девушки сразу превратилась в старушку. В ту лавочную старушку, которая знает ваше имя, рост, вес, доход, самый большой ваш секрет, который вы можете, сами ещё не знаете, и многое другое.

Но, всё это было отступление.

Наша же история начинается с появления загадочного мальчика лет десяти-двенадцати. Пройдёт ещё немного времени, и Раиса Семёновна будет вспоминать только капюшон и два

светящихся глаза... Ей будет казаться, что у мальчика нет имени, нет лица, нет голоса, что он даже не отбрасывает тень, что это демон и турбулентность. Но погодите.

Загадочный мальчик появился седьмого июля, как раз после того, как Раиса Семеновна вернулась из санатория (она отдыхала там две недели и не ведала, что творится в доме).

– День добрый, молодой человек... – сказала она приветливо. – Какой у тебя велосипед большой... На соревнования?... Как называется?... Быстрый?...

Семеновна сложила руки и приготовилась слушать голосок молодого человека – как зовут, с кем дружит, где гуляет. Как раз для такого разговора в кармане у неё была клубничная карамелька. Хотелось достать её, сказать: «мне уже нельзя» и протянуть в маленькие пальчики.

– Мальчик? – повторила она, не совсем понимая, что происходит. – Мальчик?..

Мальчик молча сел на велосипед, а когда через пару секунд исчез в арке дома, Раису Семёновну как молнией ударило. Точно глазами маленького чертёнка, она увидела себя со стороны – как будто не бывшая стюардесса, не бабушка, не пенсионерка, как будто не уважаемый человек, а мышь! Маленькая серая мышь, которая пищит где-то в мусорке и которой можно не отвечать.

По телу пробежал холодок. Бабушка вспомнила самых сложных пассажиров, вспомнила перепалки, грубость, ругательства. Она вспомнила звонок президенту (там ей ответили!) и разговор с мэром. Она даже тот день вспомнила, когда ей удалось сбить цену на китайском рынке, совсем не зная китайского.

Тем днем жильцы приметили что-то странное, но что именно – сказать не могли. А странность была только в одном. В этот день Семёновна не задавала никому вопросов, сидела тихо и только шёпотом, рефлекторно говорила: «здрасьте, здрасьте». В голове у неё стоял звонкий шелест велосипедной цепи. Ей казалось, куда она теперь не приди – везде её старенькую, бедную и одинокую будет заглушать этот ш-ш-ш-ш-ш... «Бывают же приведения, фантомы, – думала она уже вечером. – Вот и со мной... До меня дошло...»

Она, вероятно, просидела бы так до утра, если бы во дворе не показался тот самый фантом. Он подъехал ближе, слез с велосипеда и молча зашёл в подъезд. Следом зашла и Семёновна. Пока ехал лифт, она разглядывала его черные ботинки с большими красными шнурками, клетчатые шорты, курточку, капюшон и черный козырек кепки.

Мальчик поднял велосипед на заднее колесо и еле как втиснулся в кабинку. Лифт уехал на шестой этаж, а когда там закрылись двери, отправить его вниз никто и не подумал.

Бабушка всё поняла: мальчик совсем не призрак, не глухой и не контуженый, мальчик в своём уме, хотя, может и не в своём, а в каком-то извращенном, современном умишке. «Знаем, знаем, знаем таких, – бубнила она под нос. – Это бескультурие».

***

– Ты всё катаешься, а я за тобой стенки в лифте протираю... – сказала она на следующий день. – Лисапедом своим. Грязи развёл...

Мальчик не ответил.

То же случилось и на следующий день, и в день после следующего дня, и после, и дальше. И как Семёновна ни пилила его взглядом, как ни подыскивала острые слова, как ни жмякала тряпку (которую для эффекта даже поваляла в грязи) – мальчик её не замечал. «Ремнём высеку... – решила она, но быстро вспомнила, что это чужой ребёнок. – А не я так отец».

Обычным бабушкиным способом она вычислила, что юный преступник, потенциальный наркоман и убийца живёт на шестом этаже, в квартире «67». После очередной велосипедной прогулки, она прошмыгнула за ним в подъезд, чтобы запыхаться и выглядеть ещё несчастнее,

пешком поднялась до шестого этажа и, наконец, в каком-то радостном волнении позвонила в дверь.

На пороге показался кабанистый мужик без майки, такой здоровый, что «одним ударом всю дурь вышибет» – подумала Семеновна. Такой здоровый, что встретить она его в подъезде, сразу начала бы молиться и плакать. Сейчас же Семёновна так этому обрадовалась, что несколько секунд не могла говорить, а только трясла в руках грязную тряпку.

– Здравствуйте, так это... так... так я соседка ваша, с дома... – она поглядывала через подмышку на грязные колёса велосипеда. – Мне с вами поговорить бы... Вы мне, мне бы... Вот, тряпка, я ей лифты протираю. За сынком вашим, он же катается... Все стены замарал, пойдёте, посмотрим? Так он ещё и не здоровается, он ещё хамит... За мной, в лифт... Я покажу...

– Бабань! – крикнул он (или Семёновне только показалось, что крикнул) – Бабань, в моё время в этих лифтах ссали и срали... Не страдай.

И захлопнул дверь.

Раиса Семёновна перестала быть Раисой Семеновной, перестала быть заслуженным гражданином, пенсионеркой, перестала быть, и стала просто бабаней. Она сжала тряпку изо всех сил – но сил было так мало, что тряпка выпала из рук. Проглотив ком обиды, она пошаркала к себе в квартиру...

***

– Здравствуй, Андрей Петрович... – говорила она на следующий день. – Как здоровье? Куда летом отдыхать едете? А я, знаете, в санатории была. А теперь вот сижу с тряпкой, протираю лифты за молодежью...

– Людмила, как ты моя хорошая? Ты гляди-сь, с тряпкой сижу... У нас ведь слышала, ве-ло-си-пе-дист живёт! Все лифты испоганил.

– А вы на дачу? Вы когда приедете? Вы хоть на природу, на воздух... а то у нас чернота! В лифтах-то особенно...

– Роман Евгеньич, они вас не топят? Не шумят? Да как это... Это же хам, бездельник. Отец у него такой же... – переходила она на шепот. – Пьяница и вор. Он это самое, страдает!

Семёнова хотела пробежать по всем квартирам, заскочить в соседний подъезд, в соседний дом и двор, хотела рассказать, что у них беспредел, что надо пресечь. Самым понимающим оказался Игорь Палыч – сосед с третьего этажа, хороший, добрый и вежливый мужчина – но и тот, как только докурил, сразу же поторопился по своим делам. «Он ведь убьёт через десять лет... – думала Семёновна. – Надо вмешаться! Он сопьётся, он убьёт!»

– Вот помяните меня, – бурчала она. – Вас пока не коснется, вы... Вы... Вы... Здравствуйте... – обратилась она к незнакомой женщине лет тридцати. – А я вот, поглядите... С тряпкой сижу и вытираю-сь лифты.

Женщина начала искать ключи в сумки, и как бы между делом, как бы так и надо, как бы не приказом, а советом, высказала:

– Лучше б двор подмели, или урну почистили.

Семёновна потупила взгляд. Она медленно опустилась на лавочку, но когда увидела краем глаза метлу и ведро, которые оставил дворник, то в одну секунду поняла, что её приняли за другую.

– А вы, в общем, с какой квартиры будете? – вскочила она. – Вы в гости чтоль к кому? Куда идёте? У нас так нельзя, у нас всё по пропускам-с... Вы куда? Вы с какой квартиры будете?

– С шестьдесят седьмой буду.

Старуха так и обомлела.

На лбу проступил холодный пот, затряслись руки, ноги. «Шесть-семь, шесть-семь» – крутилось в голове и слышался дьявольский звук велосипедной цепи: «Ш-ш-ш-ш...» Семёновна села, а если быть точнее, полу-села-полу-легла на лавочку. Ей почудилось, что она проснулась от ужасного кошмара, что лавочка это кровать и что нужно только закрыть глаза и уснуть.

– Раиса Семёновна? – позвал знакомый голос.

Бабушка открыла глаза и с полминуты смотрела на соседа.

– Игорь Палыч... – вцепилась она в руку. – Игорь Палыч... Игорь Палыч... Лифты марают колесами, грязью, лифты...

– Да я понимаю, понимаю, – вырвался он из кукоженных рук. – Вы утром говорили. Это мы скажем, разберемся. Все понимаю, я только одно не соображу – вам-то какое дело? Вы на первом этаже живёте.

***

На следующее утро, перед тем как выйти на работу, Игорь нашёл под дверью такую записку:

«Уважаемые соседи. Сегодня будет проводиться собрание подъезда номер 2, в 20:00. Всем быть обязательно. При себе иметь ручку и карандаш (зачеркнуто) При себе иметь ручку и листок».

– Всем здравствуйте. Дело важное и срочное, дело неотложное, – обращалась Семёновна к тем благородным людям (семь человек), кто пришёл на собрание. – Это самое... Нужно подать жалобу... Или как же... Игорь Палыч, как лучше сказать? Мы почему здесь стоим, а потому что в лифтах наших хамство и безобразия... Надо наложить ответственность, потому что вы мараетесь, вы пачкаетесь. А вам, я за вас, я всю ответственность на себя возьму... Вы только подпишите, мы вместе подпишем, я в полицию отнесу, или, или... Проголосуем, кто за наказание, а кто за помилование... А вы знаете, знаете... До меня только сейчас дошло, что можно перевоспитать. Мы дадим ребёнку тряпку. Мы воспитаем, мы из него золотого мальчика сделаем... Мы... Я, я сама придумаю-как-мы-сделаем-всем-спасибо! – закончила она поскорее и проводила взглядом предпоследнего соседа.

У подъезда остался только Игорь.

– Вот ты спрашиваешь – что мне этот лифт. А я тебе отвечу. Ты не понимаешь, а я тебе растолкую. А то мне этот лифт, что ты ещё не родился, а я в этом лифте ездила. Да это первый лифт был! Первый механический во всем...

Игорь был человеком воспитанным, а потому он держал руки в карманах и кивал на каждое слово.

– А я же за вас беспокоюсь, вы все перемараетесь... Так не дело, это нельзя... Ты придешь на работу запачканный, а тебя и наругают. Надо чистым приходиться. А до лифта мне дела нет, что мне эта машина? Фью... Я же для людей всё! Не для себя. Я ведь, так ведь нельзя, нельзя так! Игорек, понимаешь ты?

– Я понимаю. Но, только вы, Раиса Семеновна, к людям-то не лезьте. Вы о хорошем думайте... Лето ведь, Раиса Семеновна, вы посмотрите какое небо светлое.

– Лезу?.. – переспросила она, но сосед уже скрылся в подъезде. – Игорек... Игорь!

Бабушка хотела догнать его, но от едкого предательства сделалось так гадко и мерзко внутри, что она лишь махнула рукой и, скрипя от злобы зубами, села на лавочку.

«Только бы вернуться... – промелькнуло в голове. – Только бы в юность». Она зажмурила глаза и загадала заветное желание. Если б можно было продать всех и каждого, если б можно было отдать всё, она бы так и сделала. Но продавать было некого, отдавать было нечего – она вдруг поняла это и к горлу подступили слёзы: бабушка всхлипнула.

Вспомнился мальчик, его большой, красивый велосипед. Разве он виноват? Он не виноват. Он добрее остальных в этом доме. Ей хотелось взять его за плечики, развернуть к себе, посмотреть в глаза и ласково спросить: «да разве я лезу?», а если б он ответил: «лезете», она бы извинилась и не лезла бы. И все тут. И разошлись бы... Да разве он скажет? Ей захотелось попросить у него прощения, дать конфетку и сказать: «Живи! Живи!» – вот так сказать. Ей казалось, что эти два слова, а вернее одно, навсегда задержится в маленькой головке и станет его гимном жизни.

Бабушка подняла глаза и увидела, что её новый друг совсем рядом и открывает дверь подъезда.

– Постой, – оживилась она. – Мне сказать тебе...

Семёновна взяла мальчика за локоть и повернула к себе.

Но вместо лица ей открылась голая кожа. Ни глаз, ни носа, ни рта. Только кожа, изрезанная десятками чёрточек. Десятками щелей, в которых можно было подсмотреть какие-то другие жизни. В одной щели было темно, из другой мелькал свет улиц, из третьей проглядывало небо. Дальше она не смогла. Руки разжались. Хотелось кричать, но с ней вдруг случилось почти то же самое, что случается с каждым третьим пилотом. ... Ба! – волнение, дрожь, страх, радость. – Ба!.. – и героиня наша отправилась в самое желанное своё место.

***

Раиса Семёновна перестала быть Раисой Семеновной и стала Раечкой.

Она достала из шкафа затёртый пиджак, напоминающий форму стюардессы, обвязала красным платком шею, надела каблуки, чепчик, накрашила губы, глаза, и в таком виде вышла на первый этаж.

Если мимо проходили соседи, она громко и чётко объявляла, что на протяжении всего подъёма нужно соблюдать правила поведения в лифте, говорила, что кабины снабжены специальными кнопками, предлагала людям закуски и напитки, говорила про время в пути, говорила, что лифт едет только до восьмого, а если же вам надо на девятый – придётся пройти один этаж пешком. Раиса улыбалась, кокетничала и была очень вежлива с пассажирами. Но, если в подъезде появлялся мальчик на велосипеде, она жутким голосом кричала: турбулентность! хваталась за голову и садилась в угол, громко повторяя какую-то молитву.

Когда это безобразие увидел Игорь Палыч, он тут же позвонил куда нужно, и уже через час Семёновна встречала каких-то странных пассажиров в белых халатах.

– А вы кто такие? – встрепенулась она. – Предъявите билеты?

– В машине.

– Какой такой машине? Ручную кладь сдайте...

– Пройдёмте, пройдёмте, – успокоили пассажиры и взяли бабушку под руки. – К машинке, билеты там.

Она вцепилась в лестницу и заорала:

– Игорь Палыч!!! Куда меня?!

(Игорь Палыч был у неё в голове за капитана)

– Куда ведут?! – визжала она и кусалась так, будто её хотели выбросить с самолёта.

Из квартир вышли соседи, но вышли осторожно, чтобы если что – зайти тут же. Игорь Палыч, кстати, только сейчас понял, что он за капитана, и прежде чем пассажир в белом халате уколол бабушку шприцом, успел скомандовать:

– Это надо! Раиса Семёновна... Самолёт падает. Парашют!

– Где парашют? – забегала глазами.

– Вон парашют, в жидком виде, в шприце! Новая модель.

И пока фельдшеры ставили Раисе Семеновне парашют, глаза её наполнились любовью к храброму капитану. Она успокоилась, размякла и томно спросила:

– А вы как же... Игорь... алыч?

– А я как-нибудь, Раиса Семенна.

Ослабевшее тело сложили на носилки и вынесли из подъезда. Старший фельдшер спросил у Игоря: «кто такая? давно ли страдает? родственники у неё есть?», на что он ответил: «соседка моя, ещё вчера здорова была, родственников нет». Фельдшер поблагодарил за находчивость, пожал руку и пожелал всего хорошего.

Но ничего хорошего не случилось, как впрочем, и плохого. Случилось такое, что и не сразу скажешь какое. «Каждый день люди умирают и сходят с ума. Значит, ничего не случилось» – вот что решил для себя Игорь, глядя на старые стены подъезда, но стоило ему на миг представить, как с ума сходят его родители, тут же стало ясно – случилось, и случилось плохое.

***

Всю неделю Игорь решал: идти – не идти, а затем перестал решать, купил апельсины, бананы, шоколадку, и пришёл со скромным пакетиком гостинцев в городскую психбольницу. Жаль только, что его туда не пустили.

Лечащий врач (ему всё рассказали) остановил Игоря в коридоре. Врач оказался с чувством юмора и припомнил:

– Парашют раскрылся, но парашютистка приземлилась в дремучем лесу. Когда вернётся домой – не знаем-с!

Игорь не оценил шутку.

– Гм... Хм. То есть, поймите... – заговорил доктор серьезнее, но всё ещё смеясь глазами. – В какой бы лес человек не попал, он почти всегда найдёт тропу домой. Вопрос только: хочет ли? У Раечки всё хорошо. Она за больными ухаживает, она кормит их, спать укладывает – в ней душа – да-да, душа и бодрость студентки. Это знаете, как у Поля Словецкого в книжке – «Доктора его лечили-лечили, и вылечили. А он им: уроды! Я в безумии своём счастливее вас был». Читали же?

– Нет.

– Как! Хм... Ну, впрочем, ладно. Не про это. Мы про Раису Семеновну говорили, чудесную вашу соседку. Мы её любим, врачи любят, санитары любят, все любят. Она как солнышко из-за серой тучки, всегда улыбается. Только вот, бывает, под вечер сядет у окошка, подопрет щеку и вспомнит своего капитана-героя, который погиб за неё. Понимаете? Мы вас только потому не пускаем, чтобы Раечку не ранить.

Игорь сглотнул.

– Я пойду тогда.

– Да-да, идёте, – и доктор повёл гостя до самого крыльца, продолжая говорить о больницах и больных.

Игорь хоть и был хорошим человеком, он не имел тех самых чёрточек, что имела Раиса Семеновна. А вообще, первое не всегда есть второе, хороший человек не обязан быть с чёрточками, а значит, строчки эти вода водой и абзац получился не такой весомый, как следующий.

Важное здесь то, что докторские слова казались Игорю бессмыслицей. Для Игоря было так: больной человек за стеной, а здоровый – на улице; больному было плохо, а здоровому – хорошо. А если больной и улыбается – это он от горя улыбается, думал Игорь и всегда жалел таких людей. Он не знал, что весь его огромный мир, есть только так, как он есть из его глаз, и больше никак. Именно поэтому, все слова доктора были для него соринками и пылью.

– Но если хотите что-то передать, – сказал врач, глядя на пакетик. – Это можно устроить.

– Не хочу. Я видеть хотел.

Светило солнце. Ветер качал деревья и нёс торопливо рваные облака. За оградой проезжали машины и ходили люди, а рядом – никого.

Доктор шуршал рукой в кармане и осторожно оглядывался по сторонам. Игорю казалось, что врач сейчас достанет из кармана сигарету и закурит в неподобающем месте. Но доктор ничего не достал.

– А вы ей точно не родственник? – спросил он. – А то знаете-с... Увидеть-то можно. Есть один вариант. Вы обойдите больницу, там дверь во второе отделение. Красная, железная дверь. Подниметесь на шестой этаж, постучитесь в кабинет Власова. Там так и написано «Власов». Скажите: от меня. У Власова есть щель в стене. Знаете куда? В палату Раечки. В неё можно и подсмотреть, тихонечко. Хотите?

Игорь покосился на собеседника: губки того дрожали точно перед хохотом и вообще, доктор этот меньше был похож на доктора и больше на гардеробщика, который только взял примерить халат доктора. Он говорил-говорил-говорил что-то непонятное. И это даже хорошо, что непонятное, потому что если станет понятно – тогда уж конец всему: голове конец и мозгам.

– Хотите?

– Не хочу, – ответил Игорь. – Мне идти надо.

И чтобы случайно не понять, он свернул пакетик с гостинцами и быстро пошёл к остановке.

Выстрел

Пару дней назад я получил анонимный конверт с одной строчкой:

«Если моя история покажется интересной – расскажите людям. В ней есть мистика».

Я хочу извиниться перед читателями за то, что достал письмо спустя две недели. Я почему-то думал, что у меня есть дела поважнее.

***

В учебниках по писательству говорят, что новички начинают с описания героев, а профи – с действия...

Бах! Иван Кулагин треснул кулаком по столу.

Это был кудрявый блондин: нос прямой, лоб широкий, глаза голубые, гигант души и красоты. Ваня очень любил людей, животных, птиц, рыб, всяких мышей и тараканчиков. «Тоже ведь пригодилось зачем-то, – думал он. – Хоть и козьявка!» Сам же Ваня родился на свежем воздухе, в сибирской деревне Кумчакова, в жарком августе... и на время нашего рассказа ему исполнилось двадцать пять лет.

За все годы жизни Ваня даже мыслями плохими не думал. Иногда, конечно, дрался. Но ведь каждому известно, что люди и без плохих мыслей дерутся. У нашего героя, сразу скажем, был изъян – большое сердце; а такому в наше время тяжело, такое не терпит грязи.

Бывало от возмущения он как стукнет по столу – стол пополам! «Ну куда ты... – подумает. – Исправляй теперь, дурак». Извиняться не будет, зато стол ваш, лучше чем был сделает.

***

Одним июльским вечером наш герой лежал в сарае – на сене, руки за голову, травинка в зубах – лежал и смотрел через открытые ворота на краешек белого облака, на розовый закат, на стену елового леса.

Весь день Ваня строил соседям новый забор. Он должен был защитить семью Волковых от деревенских собак и кабанчика Бориса, который любил иногда пакостить на чужих огородах.

Когда Ваня проводил глазами летящего коршуна, ворота сарая показали ему границы холста, а розовый закат, лес и трава – картиной какого-нибудь великого художника.

«Жаль я без таланта, – думал наш герой. – А то бы...» Не успел он закончить, как с левой грани холста выглянула знакомая белая головка.

Ваня закрыл глаза, выплюнул травинку. Через прищур он видел, как на холсте появляется одна, затем другая тонкая ножка, как Рита в голубом платье тихо к нему крадется.

Добрые люди не умеют притворяться спящими. Стоит им закрыть глаза, так у них сразу губки дрожат и щёчки прыгают. Им это тяжело. Ваня стиснул зубы и чтобы не засмеяться, решил вспомнить что-нибудь плохое... но нет ничего! И ему пришлось лежать с глупой улыбкой.

Шорох, тень над лицом, лёгонькое дыхание, и прохладный поцелуй. В волосы ему забрались тонкие пальчики. Ваня, не открывая глаз, повалил девушку на сено.

У молодых людей была та пора в жизни, когда сердце бушует, когда любовь, когда сено совсем не колетса и на нём хоть до утра. Поэтому Ваня и видел все краски жизни. Поэтому он и спросил:

– А ты не думала, Рит, зачем человек самоубийством кончает?

Рита не очень поняла.

– Что тут думать: от горя...

– А от радости бывает?

– Ну нет же... Зачем от радости?

– А может ему до того хорошо, что хочет остановить свою радость, сфотографировать.

На белой полосе закончить. Он в этом восторге обмотает шею веревкой и...

– Дурак! – она стукнула его ладошкой по губам. – Ты придёшь к нам завтра?

Ваня улыбнулся, подумал хорошенько и начал:

– Вот не знаю, надо...

Рита остановила его поцелуем и забралась сверху. Ей совсем не интересно было, что там надо. Рита жадно целовала крепкую шею, плечи и грудь, а Ваня всё убеждал, что:

– Землю бы...

Девушка скинула платье и осталась совсем без ничего; Ваня сглотнул.

– Завтра про землю, – шепнула она. – Завтра.

***

Пелагея Федоровна (мать Вани) считала, что долгий сон слишком вреден для молодых людей. Если Ваня не вылезал из кровати до обеда, она принималась греметь над ухом, шипеть сковородой, включать телевизор громче обычного и кричать в окно собакам и кошкам «добрый день!»

Сегодня же, герой наш открыл глаза и увидел, что мать притаилась в уголке, тихонько пьёт чай, смотрит в журнал и даже страницу боится перевернуть, чтобы не разбудить. Часы показывали два.

– Как блинов-то хочется! – зевнул Ваня. – Да с вареньем бы!..

Мать всегда готовила блины в пятницу, иначе бы он не сказал.

– Ты опять всю ночь в сарае проторчал? На охоту чтоль ходишь?

Ваня вспомнил, как пришёл вчера к соседям, снял майку, взял лопату... Вспомнил Риту в окне: ручки сложила, сверкает глазами, а потом как выйдет с кружкой воды, скажет: «отдохни минут пять». Заманит в баню, чтоб не видела мать. Усадит на скамейку, а сама на колени пристроится. «Ты пей» – говорит, и не даёт пить: обнимает, царапает, дышит тяжело под ухо и никак отпустить не хочет.

«Днём она какая, – вспоминал он. – А ночью и подумать страшно...»

– Ванюш, – перебила мать. – Я краску купила. Ты забор нам покрасишь?

– Покрашу, мам, на следующей неделе... Сперва у Волковых закончу.

Но, позже, за столом, когда он съел все блины и выпил чай, мать повторила:

– Сынок, ты бы не ходил. Ты бы лучше нам забор покрасил...

А Ваня – природа так решила – считал, что свои дела всегда подождут. Он не сразу даже понял, о чём его просят; поэтому перед выходом мать строго сказала:

– Иван. Не ходи. Прошу тебя.

И снова не услышал. Он поцеловал мать, сказал, что вернётся чуть раньше и вышел из дома.

Ваня любил дразнить себя в такие минуты. Вот как сейчас, он снял майку и медленно шёл в сторону Волковых, разглядывая на пути каждый дом. Он улыбался детям, небу, солнцу... даже кабану Борису нашел какую-то конфетку. Он хотел обнять каждого человека в деревне и сказать: «Всё будет!», а затем увидел у ворот глянцевого чёрного джип.

Улыбка пропала.

Ваня забежал бы в дом, но на крыльце показалась мать Риты. Она поймала его под руку и вывела на дорогу.

– Вань... – начала она шёпотом. – Не надо пока забор делать. К нам, видишь, гости приехали. Ты иди... Не сегодня.

– Тогда я завтра приду?

– И завтра не надо, ты через недельку бы пришёл... Иди, пожалуйста, не сегодня.

Хозяйка убедилась, что работник всё понял и идёт назад; и после только скрылась в доме. Ваня, однако ж, ничего не понял. Он как-то от удивления шёл... шёл-шёл и замер напротив кабака Бориса. Свинья щипала траву. Она всегда щипала траву, когда её выгоняли с какого-нибудь огорода.

– Вот так, Боря, – сказал наш герой. – Строишь людям забор, а потом оказывается, что от самого себя строил.

Ване стало интересно, что это за гости такие, с которыми за один стол нельзя сесть. Он развернулся, пролез через дыру в заборе и пробежал вдоль яблонь под окна главной комнаты. Пытаясь не шуметь, он подтянулся на руках и заглянул в дом.

Белая скатерть, мясо, калачи, бутылка высокая (не водка, вино). Рита сидит спиной, а напротив кто? Ваня присмотрелся... и открыл рот.

Это был Жора, или как его называли в деревне за важность – Жорж. Такой себе персонаж: грубый лицом, темноволосый, один раз даже собаку избил. Товарищ детства. «Другом» – язык не повернется назвать. Четыре года назад Жора уехал в город и забыл всю деревню. О нём тоже никто не вспоминал. Разве что родная бабушка, может быть Рита.

«Объявился, – подумал Ваня. – Да ещё и на машине такой. И правда Жорж».

Он слез с окна, хлопнул как следует воротами и пошёл домой.

***

Прошёл день.

Ваня, как и обещал, покрасил забор в красный цвет, но что-то показалось ему слишком «по-деревенски»; поэтому он схватил другую банку и испачкал забор чёрными пятнами. «Вот он я, – решил наш герой. – Клякса ненужная».

Вечером он вернулся в сарай. Ваня видел тот же холст, те же розовые краски заката и леса, но видел только глазами. «Лучше дров наколоть, – решил он. – И прибраться здесь».

Он поставил полено, взял топор, замахнулся... и замер, потому что на холсте опять оказалась Рита. Она подошла ближе, встала напротив.

Молчали минут пять.

– Иван, – сказала наконец. – Ты ведь знаешь, что я его ждать обещала?

Ваня отвернулся к полену. Он знал.

– Жора обещал приехать, – продолжала она. – И приехал... За мной.

– Хорош он обещать! – вырвалось у Вани. – Бабушку родную за четыре года не навестил.

Ни письма, ни звонка... Она его похоронила! А ты...

– Он работал.

– Как же.

– Вань.

– Что?

– Успокойся.

У него даже кулак посинел, так сильно сжимал топор.

– Ты его любишь? – спросил строго.

Другая бы дважды подумала, прежде чем отвечать, отошла бы, спряталось хоть. А Рита стоит. Риту если ударить топором, то скорее топор в щепки разлетится.

– Ты его любишь? – повторил.

– А это тут причём?

– Ты!.. – он покраснел от волнения. – Дура что ли?

– Не смей.

– Ещё как посмею...

– Молчи. Я обещала.

Ваня швырнул топор в стенку и заходил из угла в угол.

– Раз ты обещала, – метался он зверем. – Раз обещала! Зачем тогда мы здесь по ночам...

Герой наш встретил холодные глаза Риты, и щеки его вспыхнули от стыда. «Дурак, – подумал он и отвернулся. – Молчи лучше».

– Завтра вечером мы уедем, – продолжила Рита спокойно. – Надолго...

– Навсегда.

– Может быть, – она обхватила его сзади, прижалась к спине. – Может и навсегда...

Ваня был сильным от природы. Он мог так закрутить пробку на бутылке, что её не каждый мужик бы открыл, он мог поднять теленка и пройти с ним всю деревню. И всё же, если бы Ваня захотел отнять тонкие ручки Риты, ничего бы не вышло.

– Вань, а помнишь, ты про самоубийство вчера говорил?

– Помню, – ответил тихо.

– Я раньше не думала об этом, а вот сегодня, пока шла к тебе, десять раз про веревку вспомнила.

– Нельзя! И Словецкий ведь писал, что грех...

– Знаю.

Пока они стояли в обнимку, розовый закат сменился тёмным небом, проступили звёзды. У них случился разговор, который лучше всего понимается молчанием. И Ваня его понял.

– Мне пора, – шепнула Рита. – Я обещала.

Герой наш закрыл глаза и представил, что Рита с ним, сзади, всё ещё обнимает. Он вдохнул медовый запах волос, взял её за руку, подтянул ближе, к губам... поцеловать не успел – звон калитки вернул его на землю. Ваня проверил, не спряталась ли Рита где-нибудь за сеном, за ящиками, за бочкой? Нет, не спряталась. Поэтому он закрыл сарай, и, бормоча что-то под нос, вернулся в дом.

***

Как мы говорили, Ваня любил поспать. Если он не спал, то на утро к нему лезли очень дурные мысли. Но, такое случалось всего дважды. Первый раз когда умер отец; тогда Ваня встал с мокрой постели и отправился пешком до города. Хотел рассказать людям, что отец был чудесным человеком, что самый светлый был, самый добрый, самый умный, и что если бы он захотел, то непременно бы стал великим.

Вторая бессонная ночь случилась после разговора с Ритой.

На этот раз Ваня решил идти к Жоржу.

Зачем? Он не знал. Хотел поговорить, но без ругани, без вопросов, просто поговорить, детство вспомнить.

«Росли вместе как-никак – думал наш герой, – Что-то да значит».

Из родных у Жоржа была только бабушка. Они жили на окраине деревни, в маленьком доме, почти сарайчике, без бани и участка. Бабушка его зарабатывала тем, что помогала вспахивать соседские огороды, продавать соседский урожай и вообще делать всё за соседей. Бывало она выйдет на дорогу, продаст огурцов или картошки рублей на сто пятьдесят, приходит с деньгами к хозяину, а ей говорят: «Да забирай, Лизавета Степанна, всё себе».

Жорж испортился от такой доброты. Он думал, что дети смеются над ним из-за «бабки-попрошайки», поэтому все попытки подружиться видел как насмешку. Не было у него друзей. Никого, кроме Риты.

«Жора может потому и пошёл дальше всех, что в сарайчике жил, – подумал Ваня и упрёкнул себя за вчерашние мысли. – А я куда лезу?»

Он подошёл к дому.

Чёрный джип стоял не у дороги, а чуть дальше, за деревом, будто спрятан. Дверь открыта, на ней кожанка, а машина качается из стороны в сторону. Ваня подкрался ближе и увидел Жоржа на пассажирском сидении, увидел девушку сверху: лифчик спущен, грудь прыгает вверх-вниз, стрижка короткая, бормочет от радости. Герой наш узнал в ней деревенскую девушку Машу.

Внутри у Вани всё сжалось от холода, всё загудело, затрещало. Он собрался с силами, развернулся и пошёл прочь.

***

Через минуту на деревню обрушился ливень, но Ваня не спрятался под ближайшую крышу, не побежал. Он шёл твёрдо, с твёрдыми мыслями. Он и гвоздя бы не заметил, если бы наступил.

В сарае Ваня схватил топор и начал рубить всё, что попадалось на глаза. Досталось граблям, лопатам, сараю, носилкам... Он и дальше бы рубил, но топор треснул пополам.

Много ещё было знаков свыше, которые говорили ему: успокойся. Он их не заметил. Ваня залез в погреб, нашёл отцовский тайник и достал пистолет. Давно из него не стреляли. Лет пять. Ваня проверил патроны, зарядил пистолет, завернул в чёрный кулёк и спрятал под майку.

«Так, – подумал он. – На всякий случай».

Дождь не закончился и через два часа. А через четыре главная дорога превратилась в маленькое болото. Но Ваня не испугался этого болота и пошёл через огромные лужи и грязь. Если бы его спросили: «Куда идёшь?» Он бы ответил: «За правдой». Но никто ему не встретился, потому что на такую дорогу – правда там или нет – даже дурак не выйдет.

***

Ваня забежал к Волковым будто к себе домой. Он оглядел всех дикими глазами.

– Бог ты мой! – подскочила хозяйка, но подскакивать было поздно.

На столе белая скатерть, ананасы, мясо, коньяк, не смотрел больше; не за едой пришёл.

За столом сидели Рита, Жорж (в кожанке), его бабушка и два деревенских мужика Фёдор и Пётр, которые сердцем угадывали всякий праздник и попойку. Все вылупились на мокрого гостя и ждали продолжения. Гость продолжил:

– Чего празднуем?

Жорж приподнялся.

– Давно не виделись, – сказал. – Садись.

Ваня сел на место хозяйки, как раз напротив Жоржа.

– А что у нас, – оглядел он стол. – Водку теперь западлю пить?

Фёдор и Пётр переглянулись.

– А что мы, правда, без водки? – Жорж посмотрел на хозяйку.

– Не знаю, – задергалась она, поднялась, вышла на порог... и громко закричала: – Он свинью! Свинью затащил! Свинью!

– Ну-ну! – ответил Ваня. – Свиньи получше людей бывают. Неси водку, мать, и рюмку мне.

Выпили.

Рюмка помогла Ване разглядеть старого товарища. «Товарища?» – подумал он и захохотал.

Все переглянулись. Нет, для такой мерзости слов не подобрать. Чем он живёт? Совесть у него хоть есть? У этих щёк красных, у этих глаз. У этих...

Прошло десять минут. Тишина нарушилась одним, вторым, третьим словом. И вот, гости стали говорить. Не замечать Ваню, не замечать кабана Бориса, который зашёл в комнату и тёрся пяточком о шкаф.

– Хорошая у тебя куртёха, Жор.

Никто не ответил. Как будто гроза, где-то там громыхает далеко, и нечего её бояться. Только Рита сидела тихо и ждала: что дальше? Она бы остановила всё это одним взглядом, если б захотела.

– Жорж! – закричал наш герой. – Выпьём! Водочки.

Никто не ответил. Водку же разлили, но как будто по своему желанию. Как будто Ваня был мыслью, которая одновременно пришла каждому в голову.

Выпили.

– Деревня, – говорил Жорж, посматривая на всех, кроме Вани. – В деревне хорошо...

– Но в городе лучше, – перебил наш герой.

– Здесь красота, молоко...

– И воздух чище, – добавил Ваня

– Но и в городе хорошо: и кинотеатр близко, и больница, и магазин...

– И в кожаночке походить можно.

Все замолкли на пару секунд.

– Ночью там красиво...

– Выпьём! Водочки. За городские ночи.

Выпили.

Жорж рассказывал дальше: про бизнес, про квартиры, про жизни... После седьмой рюмки Ваня притих, он плохо разбирал слова. Голос Жоржа походил на поросёнычье хрюканье. А потом свинья вспомнила Риту...

– Сучара ты! – подпрыгнул Иван и запустил рюмку в стену; вдребезги. – Совсем охерел?!

Вилки застыли в руках. Ваню наконец-то заметили.

– Утро что ли забыл?!

– Какое утро?

– Как! Я ведь приходил к тебе в десятом часу. Забыл?!

В глазах у Жоржа промелькнул хитрый блеск.

– А! – вспомнил он. – А-а-а...

– Всем скажи. Ну?

– Ну приходил ты. Говорили мы.

– О чём говорили? Всем скажи.

– О жизни.

– О какой нахер жизни?! – закричал Ваня.

– О твоей. О моей.

Терпение кончилось. Ваня развернул чёрный кулёк и показался всем пистолет. Направил на Жоржа.

– А теперь, вспомнил?

Бабушка и хозяйка схватились друг за дружку. Первая плакала, вторая молилась. Фёдор и Пётр убедились вконец, что ошиблись домом. Они посмотрели на выход и привстали...

– А ну сидеть! – рыкнул Ваня.

Мужики сели.

– Как Жора скажет нам, что было утром, так я уйду. Мне от вас ничего не надо. Ну, Жора, вспомнил?

– А что было? – спросил он холодно. – Напомни?

– Да ты!.. – задёргал пистолетом. – Дурак что ли?!

Не того ждал Ваня. Пистолета боялись все, кроме Жоржа. Его он только раззадорил: улыбается, губы облизывает. Смотришь на него и сразу ясно: нет ничего за душой, пусто, картонка. У Вани заслезилась глаза.

– Совесть у тебя есть?! – закричал он. – Бабушку не мучай. Свинья ты!.. Говори!

– Иван, – вмешалась Рита. – Посмотри на меня?

Он не послушался. Он вдруг подумал, что если посмотрит в глаза любимой, то сразу же спустит курок.

– Да ты не человек, – бормотал он тихо. – Ты...

– Это я не человек? – подскочил Жорж. – Ты себя видел, собака? Твоё дело картошку копать. С пистолетом ты герой! По тебе...

Ваня не разбирал слов. В ушах стоял гул, глаза мутнели. У него было крепкое здоровье, но от этих гадостей сердце вдруг сжалось...

– Я же по-хорошему, – еле выговаривал он. – Я ведь хочу...

«Сейчас» – подумал Жорж и выкинул вперёд руку. Но не успели они сцепиться, на весь дом прогремел оглушительный выстрел.

***

Тем и кончилось письмо. Выстрелом.

«А где мистика? – спросит читатель. – В письме же говорили...» Я тоже хотел знать где мистика, поэтому и поехал в деревню.

– Где дом Кулагиных? – спросил я у первого старика.

Прохожий знал их хорошо. Он указал мне дорогу.

– Чёрно-красный забор, – добавил. – Мимо не пройдёшь. Один такой.

Я постучал в дверь, на пороге показалась мать Вани.

Глядя на Пелагею Федоровну, я убедился, что за какой-то месяц она превратилась в сухую почти старушку. Совсем не то, что мне описывали в письме. Надо было ей сказать, что я ошибся домом, развернуться и уйти. «Постой, – оборвал голос в голове. – Надо закончить, читатель не простит!» Поэтому я сказал:

– Здравствуйте.

И зашёл в дом.

***

А Жора-то жив остался, – говорила Пелагея Федоровна за столом. – На нём ни одной царапинки. Только на куртке сзади, дырка вот такая...

И она сомкнула два пальца в кружок.

– Это как? – спросил я шёпотом.

– Бог спас от греха...

Пока она выкладывала оладьи на тарелку, я ещё раз осмотрелся. В углу армейская кровать, над ней крестик, всюду иконы. Пелагея Фёдоровна поднесла тарелку и посмотрела на меня с заботой. Я только сейчас понял, что пью, должно быть, из Ваниной кружки. А ещё я вспомнил, что из меня в такие минуты вылетают глупости.

– Хорошая была кожанка... – сказал зачем-то.

– Хорошая... Лизавета до сих пор полы моет. Дырка-то как раз под швабру. Жаль только, что сыночку моему теперь три года сидеть.

Она всё повторяла, что именно три. Говорила, что сын её в три годика уже какие-то стихи рассказывал. А сейчас боялась, как бы за эти три года не разучиться говорить.

– Три года, три года...

А я всё отвечал:

– И никого ведь не убил...

– Не убил. Ты что! У нас и за выстрелы сажают, особенно если человек за правду стрелял.

Но за какую такую правду стрелял Ваня, мне кажется, в деревне мало кто знал. Однако все были уверены: стрелял не просто так. Жорж после этой истории, послал к чертям всю деревню и уехал в город. Как это с прыщом происходит, сам выдавился с чистого лица. Рита, как я понял, работает с утра до ночи: помогает своей маме, и маме Вани, тоже почти своей.

– Они ведь поженятся, – сказала Пелагея Федоровна. – Дети мои хорошие...

И чтобы доказать это, с какой-то даже гордостью достала несколько писем от сына.

– А вот Рита ему сегодня написала. Посмотрите.

«Тебя там не обижают?» – прочитал я размашистую строчку; и холодок резанул по сердцу.

– Не надо писем, – сказал. – Это личное.

– Ну хоть эти, от сына.

Должно быть, Рита каждый раз спрашивала, не обижают ли там... Но Ваня всё отвечал: нет. Говорил, что люди везде одинаковые. На каждого пятого только Жорж попадает, а так все хорошие. Слова «Жорж», конечно, не писал, но это и так все поняли.

– Я пойду, Пелагея Федоровна... У меня поезд скоро.

Мы проговорили два или три часа, а простились за минуту. Кем я был для неё – так и не узнала. Сказал ей, что пишу. Куда? Зачем? Это не важно. Даже имя не важно.

С каждым шагом делалось всё тяжелее. Мне казалось, что нельзя так закончить рассказ.

Я остановился и посмотрел на чёрно-красный забор, на дом, на ветхий сарай за ним.

«Загляни внутрь, – сказал бы мне читатель. – Нет у них собак, смелей».

И я послушался.

Перебираясь на корточках через кусты крыжовника и малины, я подполз к воротам сарая. Оттуда доносился треск, будто бы кололи дрова. Я заглянул внутрь и увидел девушку в голубом платье. Рита занесла топор... и передумала.

– Вам что надо? – нахмурилась она. – Вы кто такой?

Нельзя, наверно, описывать героиню на последних строчках. Говорить про острый хищный нос, про орлиные глаза, про жилистые руки, которыми и обнять, и задушить можно.

– Вы кто такой?! – шагнула она ближе.

Дикий зверь в женском обличии. Нельзя её поймать, нельзя посадить в клетку, нельзя пока не захочет. А если захочет, то навсегда.

– Что...

– Я рассказал остальным, – вырвалось наконец – Как вы просили.

По спине холодок. Я сделал раз, два, три шага назад... бросился к кустам, к забору, перепрыгнул! И по узкой просёлочной дороге со всех ног побежал на станцию. И так быстро, как никогда до этого.

Орешек

В один из январских дней, Евгений Романович, закутавшись в красный шерстяной халат, сидел на застекленной террасе загородного дома. Растянувшись в кресле-качалке, он наслаждался первыми днями богатой и спокойной старости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.